УДК 372.893+371.64/69
ББК 4426.63-268.2 ГСНТИ 03.01.09 Код ВАК 07.00.09

В.Н. Земцов
Екатеринбург

МОЯ ALMA MATER. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ 1970 – НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Уральский государственный университет, исторический факультет Уральского государственного университета, историческое образование, история СССР конца 1970 – начала 1980-х гг.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются условия, в которых происходила профессиональная подготовка студентов-историков, обучавшихся на историческом факультете Уральского государственного университета в конце 1970 – начале 1980-х гг. Автор прослеживает и характеризует факторы, повлиявшие на формирование генерации отечественных историков Урала в «доперестроечный» период. Основным материалом статьи стали личные воспоминания автора и его архив. Автор приходит к выводу о том, что на историческом факультете УрГУ в эти годы сложилась как для профессионального роста, так и формирования иных качеств личности чрезвычайно благоприятная среда.

V.N. Zemtsov
Yekaterinburg

MEA ALMA MATER. HISTORICAL FACULTY OF THE URAL STATE UNIVERSITY IN THE LATE OF 1970s – EARLY 1980s

KEY WORDS: Ural State University, historical faculty of the Ural State University, history education, history of the USSR of the late 1970s – early 1980s

ABSTRACT. The article analyzes the conditions in which there was professional training of students historians who have studied at the historical faculty of the Ural state University in the late 1970s – early 1980s, the Author traces and describes the factors that influenced the formation of a generation of Russian historians of the Urals in the "pre-perestroika" period. The main material of the article became personal memories of the author and his archive. The author comes to the conclusion that the history De-

partment of the Ural state University in the years developed both for professional growth and the formation of the other qualities of a person an extremely favorable environment.

Перманентно идущая с середины 1980-х гг. «перестройка» высшего, в том числе исторического, образования имеет противоречивые результаты. Исходный тезис, с которого началась подобная «перекройка» заключался в необходимости отказа от «порочных» принципов и практики подготовки историков советско-марксистского образца. Между тем, если отечественная историческая наука до сих пор существует, а в ряде сфер изучения прошлого демонстрирует и очевидные успехи, то это связано, прежде всего, с деятельностью той генерации историков, формирование которой относится к позднему советскому, доперестроечному периоду. В этом плане важно обратиться к непредвзятой картине тех условий, в которых эта генерация формировалась. В качестве объекта рассмотрения мы взяли исторический факультет УрГУ конца 70-х – начала 80-х гг. XX в.

В рассматриваемый нами период обучение на историческом факультете для многих могло начинаться не с момента зачисления в студенты, а значительно раньше. Это происходило благодаря, во-первых, активно функционировавшей Школе юного историка (ШЮИ), а, во-вторых, наличию т.н. «рабфака». В ШЮИ могли быть зачислены школьники, начиная с 8-го класса, и к моменту поступления на истфак они уже в течение трех лет имели возможность знакомиться с преподавателями и аспирантами факультета, прослушать более двух десятков лекций, оценить свои силы и определиться с тематикой своих дальнейших исследований. Особенно запоминающимися были встречи учеников ШЮИ набора 1975 г. с И.А. Бадаляном, который провел первое организационное занятие, В.Я. Кривоноговым, А.В. Черноуховым, В.Н. Грак и Г.Н. Шапошниковым. По результатам работы в ШЮИ ее выпускники писали рефераты, которые рецензировали преподаватели факультета. Именно тогда определились интересы многих в дальнейшем заметных исследователей, как В.В. Трепавлова, Н.Н. Баранова, В.Н. Земцова и др.

Важной сферой факультетской подготовки был «рабфак», где учились лица рабочих профессий или отслужившие в рядах Советской армии, желавшие поступить на истфак. Из числа «рабфаковцев» в дальнейшем также оказалось немало выпускников истфака,

сделавших честь своей профессии. Упомянем хотя бы С.В. Рыбакова, ныне доктора исторических наук, профессора Института фундаментального образования УрФУ.

Основным средством отбора претендентов на зачисление в студенты были вступительные экзамены. Прежние достижения претендентов (за исключением «медалистов» и «рабфаковцев»), в том числе и посещение ШЮИ, могли сыграть какую-то роль только в ситуации «равных баллов». Между тем, конкурс был традиционно высоким. Скажем, в 1978 г. он составил 8 человек на место. Выпускнику средней школы, имевшему средний балл аттестата 4,5, надо было сдать все четыре экзамена на «отлично». Этими экзаменами были: сочинение (письменный), русский (письменный и устный), история (устный), иностранный язык (устный). Столь жесткая система отбора претендентов, которая предполагала непосредственный контакт членов экзаменационной комиссии с абитуриентов в ходе устных ответов, давала прекрасные результаты. Вопреки заявлениям критиков подобной формы вступительных экзаменов и апологетов ЕГЭ, мы (утверждаю, конечно, на основе собственного опыта), во-первых, никогда не сталкивались с фактами коррупции, а, во-вторых, убеждены, что прежняя система создавала не мене, чем нынешняя относительно равные условия для поступления в вуз выпускников элитарных и неэлитарных, городских и провинциальных средних учебных заведений.

После зачисления абитуриента в число студентов он, как правило, отправлялся на полевые работы в колхоз. Это оказывалось первым, а для многих тяжелым испытанием, в их новой, студенческой жизни. Студенты истфака, как правило, работали на полях дер. Чувашково и Приданниково Красноуфимского района. Большие физические нагрузки и непростые бытовые условия (которые, впрочем, на рубеже 1970-1980-х гг. постепенно улучшались) давали возможность вчерашним абитуриентам лучше узнать друг друга, получить первые «неформальные» представления о старшекурсниках и преподавательском составе факультета (Вспоминаю, что группу бывших абитуриентов 1978 г. привез в Приданниково И.А. Гурьев, а в песне, которая тогда часто пелась, были строки «А замдекана был тогда Сутырин». Вспоминается и инструктаж по технике безопасности, который проводил аспирант кафедры Истории КПСС Г.Н. Шапошников), и даже о некоторых ключевых проблемах исторической науки (Первое представление о французском

языке я получил в те дни благодаря А.П. Зыкову, ныне известному археологу, со слов которого начал, ползая в борозде, заучивать «Марсельезу»).

Важным фактором приобщения к работе с историческим источником для первокурсников тех лет был, как ни странно, курс истории КПСС. Навыки конспектирования, чтения «между строк», выявление «скрытых смыслов», обсуждение тем, на которые было «наложено табу», стремление к критическому восприятию прошлой и сегодняшней действительности (несмотря на весь догматизм учебников и программ), – начинались на занятиях по истории КПСС.

Приобщение к книжной культуре происходило благодаря библиотеке и, особенно, историческому кабинету. Памятным событием для многих было посещение Государственного архива Свердловской области, а такие курсы, как «Историческая хронология» и «Палеография», сыграли в дальнейшем, чаще всего уже после окончания истфака, важную в профессиональном плане роль. Не менее полезны в дальнейшей деятельности оказался для многих и курс латинского языка, в особенности для тех, кто избрал стезю историка-зарубежника. В этом плане, несмотря на (а может, и благодаря этому) закрытость Свердловска для посещения иностранцами, многие студенты истфака уже с первого курса начали активно покупать газеты на английском, французском, немецком, польском и других языках, которые можно было приобрести в магазине «Планета». Хотя все (или почти все) эти издания были коммунистической или левой направленности, в них мы находили важные нюансы, расширявшие наши представления о происходящем в мире. Наконец, благодаря этой прокоммунистической прессе мы учились не бояться читать тексты на любых языках и извлекать из них максимально для нас возможную информацию (Пару раз слышал, как И.Н. Чемпалов говорил в ответ на хныкань студента или аспиранта, что дескать не знает, как читать книгу или статью на неизвестном ему языке: «Как читать? Бери – и читай!»).

В случае желания какого-либо студента изучать второй иностранный язык преподаватели, которые его вели, не возражали, чтобы еще один или два человека посещали занятия. Так, например, когда я учился на первом курсе, А.В. Миронова разрешила мне посещать ее занятия по французскому языку. В целом, уже на первом курсе студент чувствовал, наряду с высокой требовательно-

стью, благожелательную, если он стремился к саморазвитию, атмосферу.

В этом отношении нельзя не вспомнить о Факультете общественных профессий (ФОП), в рамках которого действовала лекторская группа. После нескольких занятий и сдачи символической отчетности, желавшие стать членами этой группы направлялись в различные учреждения, чаще всего, в области, для проведения занятий с населением. Как правило (но не всегда) это были лекции «о международном положении». В течение двух-трех, а то и четырех-пяти студенты-лекторы не только узнавали, как живет Свердловская область, но и нарабатывали навыки общения с различной аудиторией и чтения лекций в самой необычной обстановке – в поле, на ферме, в солдатской казарме, в «красном уголке» у осужденных в колонии.

Помимо лекторской группы на факультете действовало несколько кружков, особой популярностью среди которых пользовался «Кружок текущей политики», который несколько лет вел А.С. Постников. Демонстрируя широкую эрудицию и неподдельный интерес к событиям в мире, он приучал студентов не бояться оригинально мыслить и находиться в постоянном поиске информации, из какого бы источника она не исходила. Этот кружок, а также стенная газета «Эхо планеты» стали в 1979-1980 гг. хорошей «подпиткой» для формирования на факультете команды «полтибойцов».

Инициатива создания этой команды и проведения своеобразных «политических» КВНов принадлежала факультетским партбюро (секретарем его был В.А. Бабинцев) и комсомольскому бюро (секретарь Д.В. Бугров). Куратором этого действа был определен аспирант кафедры истории КПСС М.А. Фельдман. Собственно, подобные «политбои» на историческом факультете практиковались и раньше, еще в 1960-е гг. (капитаном первой команды был В.И. Михайленко), но в 1970-е гг. от них постепенно отказались. Почему они возродились к началу 1980-х гг.? Вопреки расхожему мнению, что это были «застойные» и «потерянные» годы, на истфаке УрГУ этого не ощущалось. Атмосфера была позитивной, творческой, способствовавшей профессиональному росту. При этом подобную атмосферу нельзя было назвать диссидентской. Все происходило в рамках «правил игры» той эпохи. Этим, в сущности, и определялась тематика «политбоев»: сюжеты брались исключительно международного характера – «Советско-китайские отноше-

ния», «Национально-освободительная борьба народов Африки», «Ближневосточный конфликт».

В первый состав команды вошли: Н. Краснов (капитан), А. Военков, В. Исаков, Д. Бугров, Е. Розенблат, А. Раметов, С. Сабуров, В. Мезенцев, В. Земцов. После ухода старшекурсников капитаном стал В. Земцов, а команда пополнилась Д. Рединым и В. Кокшаровым. Наконец, в 1983 г., после окончания истфака, В. Земцов перешел в статус «тренера», сменив М.А. Фельдмана, а команду возглавил В. Кокшаров.

Все эти годы каждый член команды играл органически присущую ему роль. Так, А. Раметов реализовывал свои организаторские способности, Д. Бугров писал сценарии «приветствий» и «домашних заданий», Н. Краснов и А. Военков выступали в качестве «мозгового центра» и т.д. Помимо «сражений» в Свердловске, где противниками выступали студенты факультета журналистики, философского факультета, курсанты Свердловского высшего политического танково-артиллерийского училища, истфаковская команда «гастролировала» в Перми и в Тюмени. Победа обычно была за командой истфака УрГУ; исключение составляли только «бои» с философами – они заканчивались «вничью».

Эти «политические» КВНы на несколько лет стали «визитной карточкой» истфака, демонстрацией его творческой силы, а члены команды получили возможность реализовать свой личный потенциал.

Формально научная специализация на истфаке по кафедрам начиналась с 3-го курса. Так что у студентов было не менее трех лет для окончательного выбора своего места в будущей профессии. Заметную роль в этом выборе играли практики – археологическая, архивная, музейная, педагогическая, преддипломная. Последняя играла нередко особую роль. Так, например, студент, специализировавшийся по кафедре новой и новейшей истории, получал возможность поработать в библиотеках Москвы. Благодаря преподавателям кафедры было организовано сотрудничество с библиотекой МИДа: студенты отбирали дубликаты зарубежной периодики и другой литературы, от которых хотела избавиться библиотека, и через это погружались в мир тогдашних «спецхранов», чаще недоступную для большинства советских граждан. Перевозимая из Москвы в мешках литература стала основой своего факультетского «спецхрана», существовавшего при исткабе. Поэтому ко времени

начавшейся с середины 80-х гг. эпохи «исторических разоблачений» выпускники истфака оказались неплохо подготовлены. Для тех, кто еще в начале 80-х познакомился с книгой А.М. Некрича «1941. 22 июня» или сборником документов «Nazi-Soviet Relations», с которого, собственно, и началась Холодная война, главным была не сенсационность «открытий», а вдумчивый профессиональный подход к проблемам истории.

Центральную роль в жизни истфака тех лет играл, как и должно было быть, деканат. Его возглавлял В.И. Шихов, а секретарем была Г.М. Мясникова. В.И. Шихов был харизматической фигурой. Всегда сосредоточенный, вежливый, готовый «войти в положение» и помочь. Помимо замечательных организаторских способностей и человеческих качеств, он слыл легендарным лектором. Действительно, на его лекции, в особенности по проблемам международного коммунистического движения (казалось бы, кому это было интересно в «застойное время»!) люди шли «косяками». Он был одним из немногих, кто в те годы постоянно бывал за границей и был в курсе многих неведомых простому советскому человеку событий.

Истфак тех лет отличал замечательный преподавательский состав. Правда, эпоха М.Я. Сюзюмова, Е.Г. Сурова, В.Я. Кривоногова уже ушла или уходила в прошлое (Помнится, М.Я. Сюзюмов еще иногда появлялся на факультете, обычно под ручку с провожатым; чаще это был А.И. Богатырев), но еще читал лекции В.В. Адамов, в полном расцвете был И.Н. Чемпалов, М.А. Поляковская, Р.Г. Пихоя, А.Г. Чевтаев, А.И. Романчук… Энергично выдвигалось вперед более молодое поколение – А.В. Черноухов, В.А. Бабинцев, В.А. Кузьмин, В.И. Михайленко, В.Н. Грак, Б.Б. Овчинникова, А.С. Козлов, Н.Н. Попов… Большие надежды подавала и более молодая генерация преподавателей – В.А. Буханов, В.И. Байдин… Как правило, студенты видели в большинстве из них не только требовательных преподавателей, но и интуитивно ощущали творческую энергетику, от них исходившую. Так, В.И. Михайленко, вернувшись с научной стажировки в Италии, немедленно открыл кружок итальянского языка и стал движителем в организации научно-исследовательской лаборатории по изучению проблем новой и новейшей истории. Энергично работала под руководством Р.Г. Пихои Археографическая лаборатория, получив уже тогда союзную и даже мировую известность. Большие перспективы намечались в деятельности историко-архивного отделения. Продолжались знамени-

тые Крымские экспедиции… Ходили легенды об археологах В.Т. Ковалевой, В.Е. Стоянове, Ю.П. Чемякине.

В начале 80-х на историческом факультете имели место и такие события, истинная подоплека которых нам, студентам и аспирантам, тогда не была до конца понятна, но которые очень нас озадачили. Так, на одного из преподавателей, В.Г. Айрапетова поступило заявление от бывшей супруги, в котором он «разоблачался» в том, что с целью устройства на работу в летние месяцы в качестве маляра для покраски крыш, скрыл, что является доцентом УрГУ и представил фиктивную справку. Этот вопрос рассматривался на специально организованном для этого партийном собрании. В.Г. Айрапетов, который был тогда в докторантуре, в конечном итоге вынужден был совершенно сменить сферу деятельности.

Впрочем, в ходе подобных «партийных проработок» случались и трагикомические случаи. Так, однажды «разбирали» дело одной студентки-заочницы, которая снялась в серии порнографических фото. Высокое собрание выразило желание непосредственно познакомиться с «уликами», в чем ему, впрочем, было отказано. Студентка была отчислена и изгнана из партийных рядов, из-за чего она, особенно в отношении последнего решения, как это было видно по ней, особенно и не огорчилась.

Как не покажется на первый взгляд странным, но весьма позитивную роль в становлении мужской части студентов-историков играла в те годы военная кафедра. Воспитание стоического отношения к жизненным трудностям, определенные навыки военного дела, а также возможность выбрать, при необходимости, и профессию военного (многие так и поступили) – эти позитивные моменты видятся сегодня в самом факте существования подобной структуры.

В один из дней ноября 1982 г., утром, когда курсанты-историки дожидались на военной кафедре начала занятий, которые почему-то задерживались, они узнали о кончине Л.И. Брежнева. Примерно через 15 минут после того как занятие должно было начаться, в аудиторию вошел офицер-преподаватель и объявил: «Товарищи курсанты! Поступило правительственное сообщение: Леонид Ильич Брежнев умер». И далее, без всякого перехода: «Садись! Наша следующая тема “Взвод в обороне”».

Несмотря на то, что кончина Брежнева была уже предсказуема, известие о ней произвело на истфаке противоречивое впечатление.

С одной стороны, еще с начала польских событий, с середины 1980 г., в студенческой и преподавательской среде на факультете стали ходить разговоры о том, что кремлевское руководство, продолжая твердить о происках «империалистических сил», уже не в состоянии адекватно оценивать ситуацию. Да и затягивающаяся афганская война многих к 1982 г. заставила размышлять о разумности курса «партии и правительства». С другой стороны, после сообщения о смерти Брежнева стала ощущаться какая-то растерянность, и уж конечно никто не высказывал радости по поводу кончины генерального секретаря. Приближались новые времена: вначале «междуцарствие», а затем «перестройка», которая серьезно изменила ситуацию как в стране, так и в ее маленькой ячейке – историческом факультете Уральского государственного университета.